

Виктор Брусницын

**МОЙ
МИЛЫЙ
ФАНТОМАС**

ПОВЕСТИ

2012
Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Б89

Б89 **Брусницин В.**
Мой милый Фантомас: повести / Виктор Брусницин – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-458-54081-0

В книгу уральского прозаика Виктора Михайловича Брусницина вошли четыре повести, созданные в разные годы. Вместе с автором читатель сможет совершить несколько путешествий во времени и пространстве — от Амьена Франция) 1679 года до острова Сахалин 60-х годов прошлого столетия — и, разумеется, не минует Екатеринбурга (Свердловска) и его окрестностей, наслаждаясь не только пейзажами и характерами, но и своеобразным языком писателя.

Виктор Брусницин — лауреат Международного литературного конкурса имени Михалкова (Москва), «Русский Stil» (Германия), дипломант конкурса «Зов Нимфея» (Украина), финалист конкурса Литературная Вена» (Австрия), его работа вошла в шорт-лист сценариев VII Казанского Международного фестиваля мусульманского кино. Печатался в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Невский альманах», «Русская жизнь», альманахе Библиотека «Русского Stil-я».

ISBN 978-5-458-54081-0

© Lennex Corp, 2012
© В. Брусницин, 2012

МОЙ МИЛЫЙ ФАНТОМАС

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Иные, конечно, не помнят, а существовал воплощенный Жаном Маре персонаж — Фантомас. Шороху гражданин в нации наделал немало, что же вы хотите относительно восприимчивого юного населения.

Танюха Митина, рыжая, конопатая бестия, свои десять лет всецело отдала деревне и принадлежала к породе особей, скажем так, с широким диапазоном начинаний. Цивилизация тогда веси не обходила и сельчан героем не обездолила. Словом, было предпринято совещание с закадычной подружкой Светкой и на крепком и белейшем, добытом особыми ухищрениями ватмане каллиграфически случилось выгравировано: «Мне нужен труп, я выбрал вас. До скорой встречи. Фантомас». Уведомления тайным методом доставили до надлежащих адресатов.

Возьмите деревню. Мечтательный народ (зимы, делать нечего), нередким числом пьющий (мечтается под это дело исключительно), стало быть, воинственный как минимум в половых плоскостях и, значит, чующий за собой проступки. На другой же день у Марьи Петровны, учительницы по русскому, что наемни посулила Танюшке пониженный результат в четверти, имела место рассеянность. Впрочем, учиха периодически вперялась в подопечных, скулы обострялись, и зубы принимались кусать нижнюю губу.

На перемене Танюшка горячо шептала в ухо Светке:

— А?! Ты видела, как свалюсь! У, невзгодина, доскётся еще у меня.

К вечеру в сельпо — лобное место — посмеивались относительно депеш. Сколько их произошло, точно не знали, предъявлены обществу слушались две. Сенька Ухо (он недавно навалал старшему Светкиному брату), тридцатилетний конюх, пропеченная пьянь, приверженец трехэтажной и

кулачной аргументации, маниакальный фрондер (ему принадлежал знаменитый форс: «Ты мне, блефуска, палец в рот класть остерегись — обкорнаю мгновенно»), обладатель поразительной рыбацкой удачливости и многих еще забуденных особенностей поведения — чистый ангел, словом. Единица кичился документом, гордо покачиваясь и доказывая, что он бы сыграл не хуже Жана Маре, а если насчет Милен Демонжо (артистка на роли подружки главного героя), всякие там «о-ля-ля» у нас не проходят, а делается так. Сеня вытягивал руку с растопыренными пальцами, с силой скрючивал их и затем выворачивал кулак, утверждая: «И на калкалыгу.. и привет, Маруся». Бабы кисло смеялись, тряся бюстами, и презрительно отворачивались.

Второй потерпевшей произошла рослая продавщица Нюся (не дала Танюхиной маме вперед товар, за что та звонко получила от папы Миши по «рундуку», «корме» и так далее — длинный перечень обозначения бывшим моряком зада). Тут было тоньше. Нюсяка поносила матом Колю-Васю, хахая и по совместительству механизатора, которого якобы турнула пару месяцев назад (всем было известно, что Коля слинял сам, не выдержав взгального характера местной знаменитости), настаивая, что эти гнусные происки — дурацкая месть бесславного ухажера. Здесь реакция всякой вновь подошедшей покупательницы была практически одинакова: она изговляла сочувствующую улыбку, а дальше начинала бегать глазами. Вне же досягаемости ушей Нюси все сходились на том (полушепотом), что список инициаторов пакости имел внушительный потенциал. Сенькин прецедент в расчет не брали: так, очи запорошить.

Занимательно, что ни один посетитель не заподозрил детской шалости, — Танюшка со Светкой (первая по преимуществу) разжились возмущением. Даже мама, которой было рассказано о магазинных новостях, причем с настырным прищуром, обрадовалась каверзе и неотличимо от народа предложила свой кадастр заинтересованных, но и мимолетно не выразила подозрения в творческих наклонностях дочери. Самолюбие той искрило.

Соответствующий ход имел такой образ. Двум персонажам — Маше Боковой, местной красавице (причина? — а вот так, нечего нос задирать, выражуля, понимаешь, номер пять), и Егору Ершову, красивому же, однако мало проникнутому этим обстоятельством убежденному конюху (исключительно, выходит, из удобства доставки), — были переправлены карточки следующего содержания: «Явись в позоре, пробил час — ты будешь первой (ым). Фантомас». Однако уже на другой день события приняли тот характер, когда предпринимательство становится весьма чреватим.

Сеню обнаружили мертвым. Он захлебнулся, извините, в собственной блевотине. Ну, с кем не бывает — а Сене-то и помочиться в общественном месте что сморкнуться. Милиция даже особенных исследований не производила — все было ясней неба. И только когда представители органов, упаковав преставившегося, исчезли за поворотом — народишко, понятно, не особенно спешил разойтись, — кто-то вспомнил о Фантомасе. Надо взять, воспоминание нашло горячий отклик, толпа, начавшаяся было разряжаться, дружно сомкнулась, и гвалт приобрел отчетливые децибелы.

— А может, верно, с запиской-то — совсем не шутка? — выразился кто-то непосредственно.

- Подь ты к чомору, — предложил иной.
- Все-таки Сеня пусть непутный был, а пел отменно. Да и навозом широко обеспечивал.
- Ну, печень, положим, он совсем не водкой угробил, а бобы жрал непомерно. Бобы-то не всякому, не в Китае.
- Поживи-ка — еще как сковырнешься.
- Н-да, переборщил на этот раз. Отлучился с лица земли капитально.
- А кулаками безобразничал, не отнять.
- Бог дал, бог взял.
- Однако впрямь, каково поживется, таково и отрыгнется. Квит ровнехонько в яблоко.

Некто вспомнил, что на сеансе с пресловутым фильмом Ухо громко чихал и сморкался. Другая призналась, что Сеня по бухлу отрицательно отзывался о товарище Фандоре — журналист в фильме — в том смысле, что он таких в армии мочил, как пьяных комаров.

— Иэх, в гробину так, и тяпну же я ноне, ох и встряхнусь! В дрезину! — тоскливо и радостно выразил мнение Егор Ершов, тоже из горьких, стало, верный собутыльник Уха — очередной сливок общества.

Однако настоящую жизнь сходка приобрела после того, как тетя Паня Пивоварова плеснула по варикозным ляжкам равновеликими руками и истерически сообщила:

— Сариса небесная! Да вы записку-то его видели? А я ведь от и до разглядела. В углу-то гумашки сыфра стояла. Девять. С места не сойти.

Все онемели — на дворе стояло девятое сентября. Занимательно, что отнюдь не усомнились в подлинности тети-Паниного видения. Притом никто, нечего сказать, толком не разглядывал метку, мало того, никак не могли дословно воспроизвести текст, но все помнили, что речь о сроке шла. Начали на многие лады воспроизводить. Возникло предложение пошмонать по незамысловатой мебели — может, где под клеенкой, как водится, очерк оставлен — однако забылось за репликами. Между прочим, пыркнулась и Танюшка: она довольно зычно пропищала содержание поэмы, за что чувствительно была ущипнута смекалистой Светкой. Слава богу, на потрясающую осведомленность никто внимания не обратил, тем более что история приобрела гораздо кучерявый оборот. Кажется, Степан Данилович, бывший председатель, догадался:

— Дэк это, у Нюски присутствует факт. Надо-ка сверить.

Народ было дружно тронулся, однако угрюмый и, пожалуй, азартный гомон прорезал испуганный возглас:

— Ляксандровна, что с тобой?

Все застопорились и устремились взглядами. В сторонке белая, как мукомол, стояла Варвара Александровна, заведующая почтовым отделением (с год назад топталась интенсивная и пакостливая молва на основании того, что папа Миша превышающее всякое благообразие количество раз заглядывал в избу почмейстерши), рот ее был уродливо раззявлен, глаза рвались из тела. Толпа замерла в почтительном созерцании. Варвара очнулась, губы плотно сомкнулись и затем потянулись в улыбку из тугой резины, ресницы нервно захлопали, и изо рта выпали звуки:

— Да нет, я ничего... опаздываю... домой надо.

Она развернулась и неимоверной походкой отчалила от населения. Красноречие происшедшего превышало любую возможность.

— Вот так номер!.. — озвучил по исчезновении бедолага историю Юрий Карлович, библиотекарь. И вслед сказанному нахмурился, нечто вспоминая. Оживился: — Однако Варвара кино не смотрела, это я досконально знаю. В городе была, у дочери.

— Буди там, и сходила на сеанс, — вякнула тетя Паня.

— Да нет же — обсуждали, — остался неумолимым библиотекарь. И дальше совершил совсем худое — развел руки и молвил вполне от души: — Странный выбор...

Юрия Карловича уважали. Уже потому, что налицествовала немецкая кровь. Бывший агроном, придирчивый к ударениям в словах, он имел обыкновение, сурово глядя исподлобья, вращать мысли, которые неизменно по прошествии срока обретали нужный путь. Вообще, крепкий человек; судите сами: не отказывал дать взаймы, и — внимание — ему всегда возвращали. Иначе сказать, воцарилось гробовое молчание. На лбы полезли морщины, глаза покрылись флером, пальцы рук нервничали — народ дружно ударился в статистику собственной безнравственности...

Добавьте еще, и Данилович веско булькнул:

— Дэк о том и речь, не в кине штука.

Впрочем, он же эпидемию и прервал, тронулся, собрание квело потянулось следом.

Надо сказать, день пришелся дивный: нередкое солнце, умело шныряющее меж вальяжных облаков, жидкий ветерок, веющий основательными запахами свежих заготовок, тонкие звуки неприхотливой природы, пронзительный настой размеренной и не скудеющей жизни. Шли по заулку, вытянувшись между колесистой, заполненной длинными, смазливими лужами дорогой, и плевелом, бурно растущим вдоль заборов. Говорить было бессмысленно — опять арифметика, стало быть.

В разум привел дружный топот по обширному крыльцу магазина, в лад загомонили. Нюски на месте не оказалась, ее замесчала — вещь небывалая — помощница, недотепистая и курносая Лидка Карамышева (да ведь и такая гожа хоть для сравнительных комбинаций — горазды мы собственное благополучие разузнать), еще и перепуганная нашествием.

— А что вы хотели! — констатировал Юрий Карлович.

Понеслись комментарии: дело в том, что на умиротворенного Сеню Нюся, конечно, взглянуть приобегала и даже имела прищур глаз (Сеня владел очередной особенностью на любую привередливую акцию Нюси отмачивать универсальную контрадикцию: «Не хвались, баба, широкой п...»), но тут же упылила, будто на работу, — а кому ж руль доверить. Оказывается, совсем не на работу. Куда? Лидка оторопело и невразумительно мычала.

Все прояснилось ко времени — Нюся принеслась. Ворвалась в магазин, следом, ухваченный за рукав, понуро тащился Коля-Вася, невзрачный, если б не богатые кудри и чуб, мужичок, едва не на голову пониженного сравнимо с Нюсей размера.

— Вот, полюбуйтесь! Охламон ты, охлामонище, — настойчиво шумела она. — Тварь распоследняя и некультурный человек! А еще на мотоцикл денег добавила!

Нюся дружно успокаивали. Она делала картинно-карикатурные позы, как-то: интенсивно терла виски, не забывая следом подшаманить прическу, откидывала в сторону лицо, распахивала навстречу сопернику глаза и прочее. Очевидцы ловились только так — Нюсю гладили, терли, заговаривали. Впрочем, выныривало и впрямь горестное нытье:

— Что я тебе сделала, гад. Ы-ы, — Нюся совала в нос зазнобе справку.

— Не мой почерк, — непреклонно тыкал Коля-Вася в выведенные печатной методой буквы эпистолы, кидая в другой угол рта гармошку «Прибоя».

Степан Данилович ответственно перехватил предначертание, хмуро вперился.

— Ага, есть циферь! — победно сообщил он. И пошел тягуче, равномерно смурнея, глядеть в Нюську.

Помещение вмиг покрылось недоброй тишиной. Взгляды следом за экс-председателем уткнулись в продавщицу.

— Чего это? — хватко почуяв недоброе, испуганно лепетнула избранница.

Тишина продолжилась, взгляды аналогично. Нюся закрутила головой, враз позабыв о Коле-Васе... Не удержалась тетя Паня — вестимо, что с халкой она существовала при горячих недоразумениях:

— Понимашь, Нюсенька. Этта неладно получается. У Сеньки-т в бандароли сыфра стояла. Девять. Што ись ровнёхонькё девятое сёдне. Кумекашь?

Нюся скумекала — икнула. Глаза ее неимоверно расширились, рот значительно разомкнулся, и вся она, кажется, надулась точно дирижабль. Слабый за сбоем шейной плоти кадык размашисто заходил, уничтожая слова. Все уважительно не шелохнулись...

Однако Степан Данилович вдруг ожил, резко уронил голову и вновь вонзился в циркуляр.

— Вот черт! — воспаленно воскликнул он. — А у Нюски циферь — четыре.

— Ыыы! — незамедлительно завывла Нюся, глубоко запрокинув голову.

Народ молча и непроницаемо смотрел на гражданку, прочесть чувства было недоступно, предположить — что угодно. Самым чудесным образом повел себя Коля-Вася, он, обретавшийся прежде за крупом главной героини, вдруг как бы повалился и ткнулся головой в обширную спину любимой, охватив руками богатую талию... С этой парой было покончено.

На другой день наладил влачиться дождь, однако лобное место случилось посещаемо. Дело в том, что вчера ввечеру имела место депутация к Варваре Александровне в лице вездесущей тети Пани и Юрия Карловича (тот сопротивлялся, но Данилович увещевал библиотекаря тем, что Варвара единственная выписала как-то «Войну и мир»). Бледность почтмейстерши имела право на существование, ибо злоеший манускрипт действительно

состоялся, а пуще прочего в оном содержалась цифра десять. Юрий Карлович остался удручен ипохондрическим видом подруги и выражением в лице даже безнадежности. Был, например, дан совет не ходить завтра на работу и вообще отчалить в город, наконец, пожевать ревеня или, надежней, принять пургена (слабительное), что, по заверению полукровки, нейтрализует любые душевные перипетии.

Итак, гневные комментарии царили:

— Диверсия сплошь и рядом, — излагала тетя Паня. — Что жо, эко место, куда смотрит милисыя. В Кочневой робята кочету шею свернули, так в районе дело завели, а Сенешкю завернули, и только видели. И вырву што ись не понюхали — а может, там дуст.

— Эк ту скоро придут да пирог из печи начнут вынать, — сложив руки на пузе, обиженно поджав губы и гордо отклонив голову, пламенно поддакивала бабка Куманиха, большая поклонница кого-либо шпынять.

Преисполненная и словоохотливая Нюся — пассия вчера сбегал за пожитками — громогласно пылила:

— Лучших людей теряем (подозреваем обладание посланием — ну не о Сене же)! Я говорила, французскими-то фасонами улещаться от навозу — до добра не доведет.

Юрий Карлович, как раз отоваривавшийся, осерчал, повернулся к бабам:

— Воете, ровно шавка подле покойника. Верно сказано: хорошее слово — христово, дурное — бабское. Пока что отлучился только Ухо. И то — причина... м-м... изрядно земного толка.

Нюся прокалила взглядом и, нагло своротив с неустоявшихся весов гирику, назначила стрелке верхнее значение амплитуды.

Деревня находилась в нервном ожидании. И оно было вознаграждено: нынче же к вечеру из города прибыл несколько утраченный муж Варвары Александровны. Как только пронесся слух о визите, деревня скопилась неподалеку от избы Варварушки. И не напрасно, в доме решительно происходил скандалез: звучали верхние тона обоих участников и даже нечто, вызывающее подозрение в рыданиях. Правда, все скоро смолкло, и над баней закурился дымок. Однако сходка не оказалась даровой.

Племенной бык Антей, трехлетний парубок, страдал. Фрося, сами понимаете, — воолокая буренка весьма игривого склада, что недавно поступила в совхозное стадо, будучи отданная бабкой Фисой Тащилиной за некоторую сумму, покрывшую покупку швейной машинки. Черт его знает, откуда они берут эти повадки — непотребно мотать хвостом, стрелять ушами, крутить шей и особенно, тревожно, весьма колоратурно и совсем неурочно мычать. Может, набираются в мирской, распоясанной жизни? Нет же: Антоха общался с аналогичными представителями, председатель Иван Ильич Фирсов пускал периодически частников на совхозную зеленку.

Кем точно был Тоша в прошлой жизни, неведомо, однако явно не рядовой особью. Весьма допустимо, гвардейцем кардинала, и очень даже имел

глаз на какую-нибудь маркизу де ..., ибо наглядны случились прирожденные повадки. Парень, скажем, мог, весело взбрыкивая задними мослами — чем не антраша, — пронестись мимо Фроси, а затем, виртуозно развернувшись, замереть афронт любезной, низко склонить голову и, игриво фыркая, вращать точеные рога, несколько кося карими очами и предлагая какую-либо невинную забаву. Однако Фроську подобное обхождение абсолютно не брало — именно на такие выходки мадам индифферентно замирала, не переставая мусолить жвачку, и, уставившись в кавалера, неодобрительно мукала с очевидным противопоказанием к ответному ходу. При всем том она категорически предпринимала вышеописанный характер и терлась подле Василия, урюмого и комолого быка низкопузой конституции, длинный и землистый, в репьях хвост которого вечно колотил, безрезультатно гоня шершня, по облезлым чугунным бокам. Обвислая и отягощенная непрезентабельной ниткой слюны челюсть его неизменно поперечно ходила — прерываясь исключительно, когда, вытянув шею, тягуче, в регистре контрафагота, Вася вякал что-либо крепкое — и взгляд был равнодушен и вместе бесконечно самоуверен. Не иначе сия натура вдохновила на анекдот относительно «не суетись, спустимся с горки и пере... все стадо».

Пробовал наш Ромео учинить этакое вельзевульство, а именно ковыряться в пику Фросе рогами в цветистых боках совхозных телочек, что те воспринимали вполне должно — отбрыкивались и жантильно убегали, норовя при этом угодить в угол выгона, то есть заведомо обрекаясь на западню, — но и это не пронимало. Требовался сильный ход. И Тоха таковой нарыл, как обстоятельства к месту возымели стечение. И оценим изящество демарша.

Раскрасавица Мария Бокова, манерная молодуха, вылушивая семечки, с презрительным выражением лица стояла, согласно ранжиру, чуть в стороне от основного кагала, что кучковался малость искоса от избы Варвары Александровны. Подле, внимательно следя за дымком бани, тараторила вечный ординарец Нинка:

— Петро Ташилин из городу с чувой приезжал. Вся из себя, в крепдешине, складка сзади до самого гузла. На скрипке будто пилякат... И у него куртка вельветовая на молнии. Пижон.

— Фи, ничего в ней особенного — нос плугом, ногти лысые, — Маша вытянула перед взором откормленный безымянный ноготок. — А Петька, хоть после института, вовсе невидный, и рукава рямканные.

— Сам в очках, и эта шуруется... — услужливо вторила подруга. — Ноне будто опять «Лимонадного Джо» привезут, нового нету. Катугин баял.

Иначе сказать, имели место прения. В лад кудахтали не собранные еще во двory куры, заливались птицы, солнце расторопно валилось в марево горизонта.

И тут случилось невообразимое. Наш Антуан неожиданно выскочил из соседнего с Варвариним двора, отчаянно взбрыкивая, точно на родео, и начал неосмотрительно носиться по улице. Кодло ахнуло и вжалось в ограду.

Только Маша надменно сохраняла позу. Действительно, она была хороша в сей миг корявый, инда прилепившаяся к губе скорлупка ей необыкновенно шла. И над всей этой недосыгаемостью надругался Антоха. Что им овладело, поясным после, а теперь он подлетел к девице и почти от земли судорожно вздернул голову. Ситцевое белое платье в горошек, зацепленное рогом, взмыло вверх, точно у Мэрилин Монро, треснуло и обнажило розовые байковые рейтузы. Мария очумело завизжала, Антей испуганно пустился наутек — куры, чертыхаясь, сыпанули в стороны, кобелек погналась за озорником, надрывно твякая. Шокированная девушка вслед поступку зачем-то тронулась подпрыгивать, дико повизгивая и предоставляя собранию меж разваленного до пояса платья сокровенные виды. Затем остолбенела, окунула голову в причиндалы и, уже ровно, безобразно воя и неаккуратно захихываясь, побежала, напрочь уронив былую статью.

Ну что ж, поясним сотворившееся. Соседка почтмейстерши, бухгалтер Артемьевна, будучи кумой зоотехника Колчина, элементарно зафрахтовала Антея на предмет случки со своей Зойкой. Процесс с самого начала категорически не пошел: Зоя всячески предлагала себя, Антон артачился, Артемьевна извелась.

А что, собственно, вы хотите? Ну хорошо, Антуан готов служить на соххозном поприще, но частники... все-таки не о дровах речь — отборные посевы. В общем, голубой ген возмутился. (И с чего вы взяли, что незабвенный образ маркизы де Фросей не владел бычачьей психикой?)

Со стороны счетоводства были приняты самые радикальные меры, начиная от смачного ненорматива вплоть до вожежприкладства. Последнее и стало опрометчивым: хозяйка неосмотрительно ненадежно закрыла загон, намеревшись сбегать за кумом, чем и воспользовался гордый осеменитель. А когда, вырвавшись из ограды, наш принципэ увидел шалман, да еще некоторых в надменно-презрительных позах, да — куда уж дальше — при горошках, буйный аристократизм выбрался наружу...

Тем временем акция произвела настоящий фурор. Народ заволновался, стусился, и стусток изрядно рычал.

— Бык-от очумел, в кои веки на людей кидатса!

— Да это же Антей, совхозный бычок! Добрая скотинка, издалека выписывали.

— Погодите-ко, а что он у Артемьевны забыл?

— А кумовал, не йначе.

Хлопнула себя по ляжкам тетя Паня:

— Мне этта Артемьевна жалобилась, будто корова быка ишшот. Неурядная, с отела три месяца минуло, и толькэ ноне охота пошла — пьет-де да мычит. Верно, решила баба на Антея.

Впрочем, гребень скоро проскочил, прения пошли на спад... И тут было отменно добавлено. Либо с испугу, а скорей всего, прочувствовав шанс — именно она располагала сведениями, способными добить общество, — Нина отпарпортовала о поступившей вчерашним днем к Машке грамотке, отчеканив притом наизусть текст: «Явись в позоре...»

И точно, вече замерло. Собственно, упал ветер, и птицы умолкли, только сбитый с толку петух сыро и обиженно где-то далеко пройкал.